

18+

Денис Славиков

Чувства в пилюлях

Денис Славилов

Чувства в пилюлях

«Издательские решения»

Славиков Д.

Чувства в пилюлях / Д. Славиков — «Издательские решения»,
«Я в её глазах», «Боль №8», «Первый влюблённый поцелуй», «Тёплые».
Выше вашему взору представлено несколько названий пилюль с чувствами,
что выпускались и продавались в частном магазине «Твинкл Филлингс»
на аллее «Аккорд». Это уникальное изобретение в 2091 году прославило
молодого отчаявшегося студента и двух его товарищей на весь новый мир.
Оно принесло им славу, материальное, счастье и печали, полностью изменив
их жизни, а также стало предпосылкой для создания агрегата времени.

Содержание

Сначала я придумал чувства в пилюлях	6
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Чувства в пилюлях

Денис Славиков

© Денис Славиков, 2026

ISBN 978-5-0071-1084-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сначала я придумал чувства в пилюлях

*Почему же любовь собственная уберегается и ценится в памяти
боле, чем чужая, сторонняя, направленная на себя же?*

2095 год

Пилюли валялись по полу вокруг меня. Стоя на коленях, я жрал их одну за другой, одну за другой. Я уже давился ими, еле-еле проталкивая их пальцами себе в глотку. Когда же в горле пересохло, и они уже не могли пролезть в пищевод, сверкающий нож был в миллиметре от моего кадыка. Был в секундах от мгновения, когда он вот-вот проткнёт моё пересохшее горло. И спасительная идея родилась... Трясущимися неухоженными руками с отросшими ногтями, под которыми застряла сырая земля, я сделал глубокий надрез чуть выше гортани и сильно прижал его ладонью. Через мгновение рука ослабла и отпала, а из отверстия на моей шее начали вываливаться слипшиеся комки разноцветных пилюль. Я подбирал их один за другим, один за другим я снова запихивал их себе в глотку...

Пролог

Цикл «Тёплых», «Штиль на душе», «Летняя ночь в берёзовой роще», «Первый влюблённый поцелуй», «Боль №8», «На реке под палящим солнцем», «Я в её глазах», «Многое сделано», «Бутыл шампанского на двоих», цикл «Уютных».

Выше вашему взору я представил несколько названий пилюль с чувствами, что будут выпускаться и продаваться в нашем магазине «Твинкл Филлингс» на аллее «Аккорд». Это уникальное изобретение в 2091 году прославило меня и двух моих лучших друзей на весь новый мир. Оно принесло нам славу, материальное, счастье и печали, полностью изменив наши жизни, а также стало предпосылкой для создания агрегата времени. Или же более привычными для вас словами — машины времени. Моей самой заветной мечты.

2090 год

1

Вечером я хранился на влажном песке, пяты щекотали набегающие мини-волны, что отражали уходящий за горизонт пламенный диск. Близ меня на столике лежала пачка сигарилл с зажигалкой, стоял пол-литровый имбирно-лимонный пунш, калился жирник. Я думал о том, как скучно...

Скучно мне без моих двух дорогих товарищей, которые воевали в нескольких тысячах километров отсюда. Раз в месяц я получал небольшие сводки их боевых достижений и душевных переживаний, и, разумеется, был этому очень рад: рад, что у них всё хорошо... Я ждал их возвращения.

Скучно в целом. Новые знакомства, в которых я не находил то, что искал: в итоге они медленно затухали и скомкивались в гору под названием «знакомые». Ничего не приносило мне, как бы это правильно сказать, должного удовлетворения, даже скорее, ожидаемого и желанного. Печально было признавать и тот факт, что в какое-то мгновение всё прекрасное осталось в прошлом. Оно постоянно стучалось в моё окно глубокой тёмной ночью и окутывало каждую клетку моего организма, отравляя ностальгическими иглами. Я погрузился в эту одновременно и тёплую, и вызывающую дрожь пучину былых времён.

Вот именно в этой пучине в голову вцепился вопрос: «Как вернуться туда, где мне комфортно?» В то место, в то время, что сейчас преобразились в огромный размытый сон. Прекрасный сон. Как вернуться?

Я неспешно собрал свои вещи, предварительно искупавшись в сохранившей солнце воде, и отправился в лабораторию при институте.

Монотонный гул всевозможного транспорта сопровождал меня всю дорогу до точки назначения. За рулём монокара я чувствовал себя свободнее. Бриз пролетал сквозь мои тёмные волосы, закручиваясь в крохотные спиральки за спиной. Справа от меня простиралось морское полотно, в котором барахтались корабли, лодки и парусники, слабо улавливающие весёлые крики людей на побережье. Слева громоздко разместилось детище «Мунградс» — город 2079 года постройки, давящий всё, что в него попадало и попадёт. «Если ты заглянул сюда на огонёк — ты сгорел тут навечно», — как-то так говорил один из наших преподавателей по программированию. Мало того, что я застрял в омуте прошлого, я застрял в крепких и беспощадных руках Мунградса.

На ходу я закурил. Левая рука придерживала прямоугольный координатор, правая плавно мотала сигариллу из стороны в сторону. Между ними: имитатором свободы и имитатором удовольствия — застрял каждый второй здесь.

Каждый первый застрял в ожидании последнего письма с фронта от того, кого ждёт всем потухающим сердцем, в котором всё ещё тлеет надежда. Война — это дорого, дорого для каждого по-своему. Дорогая цена у всего великого...

Рассекая влажное воздушное пространство, я вспоминал об учёбе в военной академии, а именно о балльных месяцах, что проводились под новогодние праздники. По вечерам нас собирали в отдельном корпусе и туда же приглашали сеньорит. Сам вечер проходил размеренно и весело: мы репетировали вальс, в приоритете балльный танец. Трёхдольный ритм, закрытая позиция, а также тот факт, что слово «вальс» произошло от немецкого «вальзе», означающее «катающий» — это всё, что я запомнил из терминов.

Что мне запомнилось больше всего, так это её взгляд. Взгляд Лили, что пронизывал меня каждый раз, как в первый, и заставлял тонуть в приятном тепле.

За несколько дней до Нового года в резиденции Правительства проходил бал, на котором мы и принимали участие. Валились крупные хлопья снега, было не холодно, так как отсутствовал ветер. Мы прибыли на место чуть раньше наших спутниц. Перед моим взором красовалось по-настоящему грациозное здание, мраморные стены которого были украшены изящными скульптурами античности, а из его огромных вертикальных окон лился мягкий и приятный жёлтый свет.

На входе нас встретили и сразу же провели такую пятиминутную экскурсию. На нас действительно засматривались, ведь мы были одними из немногих, кто на мероприятии щеголял в военной парадной форме.

Меня похлопал по плечу мой товарищ и незаметно глазами показал на вход. Этот жест означал только одно — приехали сеньориты. Я замешкался и тотчас удалился к окну. Ничего страшного, ведь до бала было ещё около половины часа. За окном расположился украшенный ватой лес, прижатый лунным светом, просачивающимся через неплотные тучи. Я стоял и ждал её, именно так нелепо и задумчиво, думая о предстоящей встрече и только о ней.

Позади, не по плану, раздался смешок.

— Специально тут уединился, чтобы я соизволила подойти сама? Нахал! — возмущённо произнесла Лили.

Я смутился, ведь и правда, это именно мне положено встречать свою спутницу. Я обернулся. Платье молочного цвета едва касалось пола; узкую талию окружал белый ремешок; руки согревали атласные митенки; на припудренной шее блистало кольцо из жемчуга, посредине которого находился большой синий минерал; а в светлых волосах притаилась тёмно-голубая лилия.

— На что засмотрелся? Не знал, что к декольтированному платью белого оттенка лучше подойдёт массивное кольцо с синими или красными камнями, но никак не бриллиант, ведь он затерялся бы на светлом фоне!

— Точно не знал. Прелестно выглядишь, Лили. Я...

Тут нас прервали и пригласили послушать речь перед открытием бала. Примечательным являлся тот факт, что открывали его мы и ещё несколько пар. Речь я находил скучной и неинтересной. То и дело засматривался на рядом стоящую Лили.

Зазвучала музыка... Поворот, поворот, виск, виск назад, четыре больших круга, два маленьких, и так пару раз.

Теперь можно было прогуляться за шампанским. Вальс впереди! За милой беседой мы осушили с ней по одному бокалу и не успели заметить, как время подошло к первому танцу.

В потоке плавных круговых движений мы умиротворённо растворялись в зрачках друг друга, обстановка вне нашего маленького обоюдного мира стиралась и мутнела, звуки были приглушены и тянулись где-то далеко. Я держал её хрупкую талию, боясь отпустить Лили. В завершение мы застыли и простояли на месте, держась за руки. Не важно, как закончился этот вечер, у меня он остановился в изумрудных чистых глазах милой Лили...

Это воспоминание сопровождало первое чувство, что я воплотил в реальность в виде пилюли. Я внёс её в цикл «Тёплых».

Поздней ночью, сидя в мягком кресле в компании двух-трёх стрекочущих за окном цикад, я придумывал способ заключения прошлого в материальный субстрат. Слово «прошлое» для меня являлось идентичным слову «счастье». Не знаю, откуда у меня вообще возникла такая затея. Предположу, что от скуки. И уже через неделю, предварительно проконсультировавшись с несколькими моими преподавателями, я всё-таки нашёл этот способ.

Диприлучив способом Оттана около двух десятков нужных веществ и гормонов, отвечающих за то или иное чувство, у меня получилось их синтезировать в стеклянной колбочке. Разумеется, верным это было только в теории: на уравнениях, на формулах, цифрах. На практике я проверять ничего пока не собирался, да и этот ингредиент был только половиной итогового продукта. Проблема заключалась в том, что одного вещества было мало: чтобы оно должным образом воздействовало на мозг человека, нужно его, так скажем, присоединить и идентифицировать к конкретным отделам головного мозга. Идея заключалась в следующем.

Нужные вещества, отвечающие за желанные чувства, вклинивались бы в определённые мосты памяти, предварительно обработанной, и, тем самым вызывали бы полноценное ощущение пережитых конкретных ситуаций заново, как в первый раз, ещё и индивидуально для каждого. Так можно было бы вернуться в прошлое, хоть и ненадолго, но в такое красочное и практически реальное прошлое. Тем самым, желанные чувства стали бы значительно краше и натуральнее.

Определить положенные отделы, где, например, у меня хранились воспоминания о Лили, я смог, невозможным было — сконцентрировать и синхронизировать их с гормонами в одной пробирке.

Убив на поиски решения четыре месяца, я совсем не приблизился к успеху.

Наступила зима, война всё ещё не закончилась, печальных новостей было больше, чем хороших, бюджет сокращался (и это было заметно на инфраструктуре города, на ценах, а главное — на лицах людей).

Прошло пару недель. Я возвращался с учёбы позднее, чем обычно, так как у меня изрядно поднакопилось долгов по нескольким дисциплинам. Это и логично, с поисками идеи создания нужного механизма я совсем забыл про дела студенческие. Ожидая общественный кар на остановке, я отрубился на несколько минут, и меня разбудил чей-то кашель в толпе рядом. Я вспомнил о военном госпитале.

Специальные дисциплины в сумме с боевой подготовкой весьма изнуляли как моё тело, так и мою голову, и, чтобы хоть как-то отдохнуть — попасть в госпиталь было самой отличной идеей, однако не самой простой. Первая ночь в медицинском учреждении была абсолютным блаженством. После ужина никаких строевых, никаких построений, а только отдых, водные процедуры и отбой. Блаженство улавливалось ещё тогда, когда я просытался от негромкого кашля какого-нибудь соседа по палате. Никакого резкого подъёма: растянутое пробуждение на несколько десятков минут.

Это чувство затем стояло на прилавке под названием «Удавшееся утро». Также оно входило в цикл «Тёплых».

Дома было тепло, но я всё же решил дополнительно разжечь небольшой камин. Добравшись до второго этажа, где и располагалась моя небольшая лаборатория (зато уже не при институте), я поставил виниловую пластинку, чтобы под лёгкие лейтмотивы поразмыслить над задачей, что впивалась и пожирала мою голову последние месяцы. В помещении стояла некая волшебная атмосфера: за окном мерцали фары проезжающих каров, тусклые огни соседних домов медленно протискивались сквозь усердно стремящиеся к теплу земли продрогшие снежинки. Каждая моя клетка безнадежно скучала и ждала чего-то недостижимого. Каждая моя клетка думала о том, что она, а, следовательно, и все остальные клетки, никогда не сможет познакомить меня со всеми интересными людьми во всём мире и во всех временах; что она не поглотит все впечатления от каждого в отдельности, впечатления яркие и такие нужные; что её носитель не заглянет во все неповторимые глаза, не уронит в память все уникальные слова, сказанные ему, не притронется ко всем рукам, тянущимся навстречу; что она рано или поздно растворится, не успев воплотить и малейшую часть от всего вожденного.

Камин догорал, свет уже утих, винил закончился, мысли крутились вокруг прошлого, когда я заснул...

Через одиннадцать часов и семь минут я проснулся. Я неспешно встал, закутался в плед и подошёл к рабочему столу, на котором заметил какую-то коробочку. Рядом с ней лежала записка, которая несла лишь одно слово: «эклектика». Я не понимал, откуда она вообще там взялась, да и разбираться совсем не хотелось.

Я открыл коробку. Внутри лежала небрежно завернутая в тряпку непонятная округлая деталь с тремя небольшими прямоугольными отверстиями по бокам и коротким филоном снизу, сверху неё было что-то похожее на крепление. Я верным резким движением перевернул бумажку. На её обратной стороне было пояснение: первый путь — синтетические чувства; второй путь — анализ головных отделов; третий путь — кабель энергоснабжения на основе обратного тока в шестнадцатой степени; пипка — итог при отрицательной температуре в диапазоне от трёх до семи градусов Цельсия.

Тут же последний клочок сна исчез, а в голове всё сразу прояснилось.

Я побежал вниз, чтобы проверить замки и окна — всё было закрыто, никаких намёков на взлом и проникновение.

2

На календарь упал знаменательный день. После предварительной подготовки прибора к работе его оставалось только протестировать в моей системе. Приступил я к этому поздней ночью в своей лаборатории.

Оборудование исполнило своё предназначение за несколько секунд и оставило в пробирке пару капель заветного чувства. Одно движение руки отделяло меня от путешествия назад в прошлое, в этот момент меня переполняло чувство радости и счастья: вот оно, я сделал это, я сделал то, чего так долго хотел. Однако эти чувства постепенно осыпались на пол, они стихли, и от них осталось лишь небольшое послевкусие...

Я засёк таймер, запрокинул руку с пробиркой и выпил содержимое. Эффект дал о себе знать через пару мгновений: веки опустились, и я оказался внутри «Летней ночи в берёзовой роще».

За ближайшим деревом, оперишись на него спиной, стояла и ждала меня Лилит. Холодный свет полной луны застыл на её серебристом платье, которое колыхалось на лёгком ветерке и выглядывало из-за ствола старой берёзы. По мою правую руку луна отражалась в дрожащем озере, на котором близ берега взывали то вверх, то вниз редкие кувишки с невысокими бортиками. Вдали пересвистывали птицы. Пахло свежестыю и водой, воздух был наполнен таинственностью и приятно волновал. Я подошёл к дереву и встал с другой стороны, точно так же оперишись на него спиной.

— *Посмотри, сколько звёзд, Тео! Подними голову и попробуй всмотреться в каждую по очереди. Не правда ли, это занятно!*

Я не стал смотреть на космические пляды. Я поглядывал на свой аксельбант, точнее, на его сверкающий патрон.

— *Лили, все звёздочки не переглядишь за одну ночь, а затем и запутаешься: на какую смотрел, а какую оставил на потом.*

— *А вот и нет! Переглядишь за одну, если не отвлекаться.*

— *Если не надоест.*

— *А как же это надоест? Они же все разные. Одна горит унылым красным, зато отдаёт чудесным розовым; вторая, точно снежинка; третья как турмалин и так далее. Что-то есть такое у каждой, чем она цепляет. Разве нет?*

— *Мне достаточно самой яркой. Вон той!*

Звёзды плавно начали смещаться к небесному диску и прятались в нём, озеро поднималось и устремлялось туда же, вся растительность под ногами рассыпалась...

Я открыл глаза, посмотрел на таймер. Прошло ровно две секунды, а замечательная ночная беседа из прошлого длилась намного больше — это значило только одно: эффект от сотворённой капли выдался на ура. В ту же ночь я принялся изготавливать другие чувства.

Пролетел почти месяц. За окном таял снег, звенели капли, выглядывало солнышко. В каждом углу сверкала самая долгожданная новость — война закончилась. Весна принесла мир, мир пришёл в каждый дом. Счастье постучалось в каждое сердце, откинув страх и уныние. Однако прошлое оставило и свои шрамы, которые никогда не затянутся полностью.

Зазвенела дверь. Я неторопливо спустился и открыл её. На пороге стояли они: мои дорогие товарищи. Дёлио и Аластер расплылись в милой улыбке. Мир замер, внутри всё обдалось приятной теплотой. Я выбежал и крепко-крепко обнял их. Душевный дождь прокатился по моей щеке. Мы рассмеялись, наш смех пронёсся по всей улице.

Весь тот день мы провели у меня, каждый делился своими достижениями, своими планами, своей радостью друг с другом. К ночи Аластер предложил нам заняться продажей моих волшебных смесей. Начало великого бизнеса было положено.

В эту ночь, после того как я проводил своих друзей, я совершенно не мог уснуть. Я мечтал о новой многообещающей жизни. С этих минут даже малейшая мысль о скуке не посещала мой разум. Я обрёл мечту, которую превратил в цель: принести всем нуждающимся людям утраченное прошлое, хоть даже на несколько минут, дабы вместе с этим подарить им свет. Огонь для освещения их жизненного пути, огонь для их потухших сердец, огонь для их будущего и настоящего.

На следующий день мы с Аластером отправились оформлять патент на моё изобретение. В течение месяца мы также занимались получением одобрения от «Организации Здравоохранения», а также и лицензии на оказание медицинских услуг и продажу лекарственных средств. Право на осуществление предпринимательской деятельности оставалось получить на заверша-

ющих этапах. Я не собираюсь нагружать вас всей подробной терминологией процесса выхода на рынок и постараюсь использовать слова проще и объяснять наши действия короче и яснее.

Двадцать первого числа мы проводили время в ресторане под названием «Свитòш».

— Я забронировал нам столик и для начала заказал «Дюшес де Бургонь». Каждому по бутылочке! — воскликнул Аластер, пока нас провожали до столика, продолжая расхваливать этот пивной напиток.

— Красный фландрийский эль — это дань памяти герцогине Марии Бургундской, популярной исторической личности в Бельгии. Кислятина ещё та! Однако очень вкусно!

Разместившись, мы развесили свои одежды и принялись разглядывать меню. Через несколько минут нам принесли эль, предложив к нему на выбор красное мясо или мидии в томатном соусе.

— Мне мидии, — лаконично ответил Делио, поправляя рукою свои короткие тёмно-русые волосы.

Мы же попросили мясо с гарниром.

— Мидии принесут через двадцать минут, мраморную говядину подадут чуть позже, — произнёс официант и удалился.

— Ну что? Здравоохранение дало добро, ждём остальных. Однако есть пара обязательных условий — продажа лицам старше девятнадцати лет и не больше шести пилюль на пациента в месяц, — поделился Делио, несильно ударив кулаком по столу.

Мы приняли обоюдное соглашение, что делами заключения договоров, бумажной волокитой, юридическими и бухгалтерскими аспектами со мной и от моего имени будет заниматься именно Делио. Благо, образование, которое он успел получить до войны, ему это позволяло.

Под звон наших бокалов день быстро сменился на вечер, хмель ударил всем в голову, наши разговоры прибавили в громкости.

— Снова ты покраснел как помидор, Аластер!

Мою фразочку уловил практически каждый в этом заведении. Дел захохотал так громко, что парочка за соседним столиком сделала нам замечание. А тот факт, что от алкоголя лицо нашего друга впадает в краску, был нам не в новинку, однако смеялись мы над этим каждый раз, откидывая глупые шуточки в его сторону. Но человека с огромной доброй душой это никак не задевало.

Спустя час нас выгнали, и мы принялись бродить по сумеречным улицам Мунградса, попутно выкрикивая непонятные словосочетания, из-за заплетающихся пьяных языков. Чтобы не кувырнуться вниз, мы закинули руки друг другу на плечи. Путь домой лежал через набережную, популярную у давнишних аристократов, которые частенько прогуливались там с трубками во рту, попыхивая дорогóй табак, что привозили из-за границы. Фонари зажглись и осветили каждый камушек, уложенный в тротуар, каждый изящный узор металлических ограждений, каждую травинку, просачивающуюся сквозь прохладную землю. На реке редко тянулись катера и электродуговые небольшие лодочки со своими развлекающимися пассажирами на борту.

Оставшиеся документы были подписаны через полмесяца. Делио через родственников выбил нам местечко под небольшой магазин на аллее «Аккорд» в центре города. Через три дня мы обосновались в помещении: разместили вывески, разложили пилюли на витрины (к каждой из которых прилагалось — название, перечень вызываемых чувств или конкретное чувство, подробная сводка-воспоминание). Я изобрёл пару портативных сканеров головного мозга, и мы разместили их на входе. Принцип их работы был предельно прост: посетитель заходил; один из сканеров за несколько секунд обрабатывал его мозг, отправляя полученную информацию на второй этаж, где и находилась вся система; затем выбранная пилюля-чувство «сливалась» с нужными воспоминаниями покупателя с помощью той маленькой детали, что я нашёл в коробке (назовём её «преобразователь»); в итоге по истечении двух минут и сорока

семи секунд нужная пилюля отправлялась к прилавку, где и вручалась гостю ровно за сто юаней. Условие, что на человека разрешено было выдавать только шесть пилюль в месяц, было подкреплено индивидуальностью этих пилюль, так как созданная каждая штука путём сканирования головных отделов и предназначалась исключительно определённому пациенту. Воспользовавшись «чужой» пилюлей — должного эффекта никак не заполучить (эффект будет полностью нейтральным, исключая побочные эффекты совсем).

Сегодня было открытие нашего магазина «Твинкл Филингс», и мы с Аластером с нетерпением ждали посетителей. Ровно в двенадцать часов дня загремел золотистый звоночек над входной дверью. Дверь открывалась медленно, и, наконец, зашёл усатый дедушка. Постукивая дряхлой палочкой, он прошёл до середины магазина.

— Что на прилавке, молодёжь? — протянул, покашливая старичок.

— Ваши чувства, дедушка! — крикнул Аластер. — Самые сокровенные! Какие пожелаете!

— Эх, дурачье, — подумав, ответил дед, — ехайте вы лучше отстраивать пограничные грады.

Он развернулся и, оказавшись на улице, хлопнул дверью, несильно — на что хватило его старческой мототы.

— Я уверен, он ещё вернётся, Тео! Вот увидишь!

— Я знаю. Да ещё и купит три пилюли за раз!

Мы рассмеялись. Смех Аластера всегда был заразительным с первых мгновений.

— Вот как тебе вообще в голову пришла такая идея? Создать эти волшебные пилюли со всякими чувствами внутри...

— От скуки, исключительно от скуки. Однако, когда мы решили устроить из этого бизнес, я загорелся желанием подарить людям хоть какое-то счастье, в котором я когда-то нуждался сам. Я хочу вернуть им прошлое, Аластер. Я хочу, чтобы они прочувствовали заново то, что для них было приятно.

— Ты же читал Фицджеральда. Нельзя вернуть прошлое. Забыл, а?

— Нет-нет, это «Великий Гэтсби», я помню. Я ведь только попробую. А ты не хочешь сам оценить всё-таки пилюлю? Например, сегодня вечером, после закрытия?

— Тему переводишь. Ну ладно! Попробую я эту твою штуку. Испытания ведь прошла...

Кроме дедушки и малюсенькой птички, стучавшейся в одно из четырёх окошек нашего магазина, посетителей сегодня не было. Я затворил дверь, и мы поднялись на второй этаж. Аластер приоткрыл окно. В помещение хлынул свежий воздух, повеяло ароматами от соседней пекарни.

— «На реке под палящим солнцем» или «Я в её глазах»? — спросил я у своего друга.

— Первое, — ответил он. — Не надо мне тут романтики.

Придавив несколько кнопок, я повернул тумблер и нажал стартер. Оборудование не было по последнему слову техники. На экране поползла бегущая строка — начался процесс синтеза. Я протянул пилюлю.

Голову припекало горячее солнце, пока мы стояли подле кара, раскуривая сигареты с персиковым привкусом. Добравшись до тихой речки, я, Делио и Молао после покура принялись раскидывать хлопковые полотенца на нагретую осоку, плавно покачивающуюся от редкого приятного ветерка. Бутылки с водою уединились недалеко, в тенике огромного дряхлого пня, на пьедестале которого тянулись к голой небесной глади девственные хрупкие веточки, прикрывая друг друга своими тускло-зелёными листьями. Прикрыв глаза от палящего жёлтого блюда, я осмотрелся. Водная дорога притаилась глубоко в сосновом лесу, окружающем со всех четырёх сторон света ближайшее поселение. Под воздействием температуры в тридцать один градус песчаные бисквитные берега речуги сътались крошками прямиком в тарелку с прохладной водой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.